

то психическое здоровье и нравственность конкретных несовершеннолетних не пострадала. Таким образом, отсутствует необходимость подразделять такую порнографию на «обычную» и с участием несовершеннолетних.

Хочется отметить, что у правоприменителя возникают трудности при назначении экспертизы порнографической продукции, в которой совершеннолетнее лицо изображает ребенка, совершающего либо имитирующего половой акт или действия сексуального характера. Во-первых, отсутствуют критерии, по которым можно определить подобные действия. На наш взгляд, единственным определяющим фактором является наличие в порнографическом контенте специфического предмета одежды, по которому можно определить, что там изображается несовершеннолетнее лицо (например, школьная форма). Название порнографической продукции тоже может указывать на то обстоятельство, что в ней присутствует изображение несовершеннолетних лиц.

Подводя итоги, необходимо обратить внимание на спорные моменты. Фактор ошибочного результата при проведении экспертизы порнографических материалов обусловлен самим характером исследуемого объекта, эстетическим и ценностно-нормативным релятивизмом современной отечественной культуры, а также недостаточной проработанностью ряда дефиниций порнографии, закрепленных в законодательстве. Эта ситуация порождает феномен «закамуфлированной» детской порнографии, маскирующей сексуальные смыслы нормативными репрезентативными приемами. Отсутствие методических рекомендаций по исследованиям продукции порнографического характера, в том числе «рисованной», неопределенность по поводу «закамуфлированной» порнографической продукции, в том числе с участием несовершеннолетних лиц, мешает выявлению «скрытых» педофилов и сдерживает работу правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, причиняющими вред здоровью граждан и общественной нравственности.

УДК 343.294

О.В. Рожко

САМООГОВОР КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА В ПОРЯДКЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

В соответствии с ч. 2 ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь правила о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, не распространяются на случаи, когда лицо добровольно оговорило себя в совершении преступления. Видимости логичным согласиться с этим законодательным положением, так как самооговор не только порождает неправомерное уголовное преследование, но и препятствует процессу установления истины, что влечет дополнительные материальные, организационные и временные затраты органа уголовного преследования. В связи с этим правило, исключающее получение компенсации за понесенные лишения в таких случаях, является вполне оправданным и целесообразным. Следует сказать, что аналогичный подход воспринят в гражданском законодательстве, а также в общепризнанных международных правовых актах. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 933 ГК Республики Беларусь в возмещении вреда может быть отказано, если он причинен по просьбе или с согласия потерпевшего, а действия причинителя не нарушают нравственных принципов общества. Так, в п. 6 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах данный принцип отражен следующим образом: «Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине».

Так, понятие и содержание самооговора в юридической литературе понимается как показания лица (подозреваемого, обвиняемого, свидетеля), ложно приписывающего себе совершение преступления. Содержанием самооговора являются сведения о преступлении, в действительности совершенном другим лицом, либо о вымышленном преступлении, либо о действии, оцениваемом как преступление, но не являющемся таковым. Цель самооговора может быть обусловлена желанием помочь родственникам либо иным лицам уклониться от ответственности за преступление, стремлением приобрести авторитет в определенных кругах, намерением ввести следствие в заблуждение в надежде в дальнейшем отказаться от своих показаний и избежать ответственности за действительное совершенное преступление и пр. К сказанному следует добавить, что заведомо ложные показания лица о якобы совершенном им преступлении могут содержаться не только в протоколах допросов, но и в других процессуальных документах: протоколе объяснения, протоколе явки с повинной, протоколах очной ставки, опознания, следственного эксперимента и других следственных действий, в которых фиксируются показания подозреваемого или обвиняемого, а также протоколе судебного заседания, так как он также отнесен УПК к источникам доказательств.

По мнению В.М. Савицкого, существуют три условия, связанные с самооговором, при которых лицу может быть отказано в праве на возмещение вреда. Первое – внешне самооговор должен быть выражен в показаниях обвиняемого (подозреваемого), зафиксированных в протоколах допроса. Нельзя рассматривать в качестве самооговора или подobia его какие-либо действия обвиняемого, дающие основание полагать, что он возможно виновен в совершении преступления (уничтожение следов, подговор свидетелей, попытка скрыться и т. п.). Второе – самооговор должен быть актом умышленным. Для признания его наличия необходимо установить умысел обвиняемого на провоцирование ситуации, которая должна убедить следователя или суд в его виновности, в результате чего и принимаются меры государственного принуждения. Третье – самооговор

только тогда снимает вопрос о возмещении вреда, когда он не был вынужденным. Если же ложное признание получено путем насилия или совершено в обстановке психического давления (обманы, уговоры, внушения и т. д.) дано под угрозой ареста или ввиду обещания освободить из-под стражи, смягчить наказание и т. п., то такой самооговор не может служить причиной отказа в возмещении ущерба, так как установлению истины фактически препятствовал не обвиняемый, а следователь или другое должностное лицо, незаконными действиями принудив его к ложным показаниям.

В большинстве случаев ложные показания подозреваемого либо обвиняемого вызваны неправомерными действиями должностных лиц органов уголовного преследования: запугивание, шантаж, обещание смягчения уголовной репрессии, непосредственное физическое воздействие. В то же время необходимо учитывать, что незаконное воздействие на лицо может исходить также со стороны других, заинтересованных в исходе дела участников процесса: соучастников преступлений, потерпевших, гражданских истцов, их представителей и защитников. Самооговор может быть вызван также болезненными расстройствами психики, даже если они не исключают вменяемости. Представляется, что и в этих случаях нельзя вести речь о добровольном либо умышленном характере ложных показаний, так как указанные факторы существенно ограничивают волеизъявление гражданина. Одним из наиболее сложных аспектов при решении вопроса об отнесении показаний лица к категории самооговора является оценка содержания фактических сведений. Представляется, что они должны признаваться только в том случае ложными, когда лицо умышленно искажает фактические обстоятельства расследуемого события. В свою очередь, добросовестное заблуждение гражданина относительно юридической квалификации содеянного не должно становиться препятствием для возникновения права на возмещение вреда. Таким образом, полагаем, что признание лицом своей вины в таких случаях не следует расценивать как умышленный и добровольный самооговор. Соответственно, реабилитированное лицо должно быть наделено правом на возмещение физического, имущественного и морального вреда в порядке, определенном гл. 48 УПК.

УДК 343.1

Р.М. Поном

ПРОБЛЕМЫ РАСШИРЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Судебно-экспертная деятельность как практическая форма реализации специальных знаний выступает неотъемлемой подсистемой доказывания, для которой процессуальная регламентация имеет практическое значение. Однако сегодня тенденции развития теории и практики криминалистики и судебной экспертизы вступают в противоречие с современными потребностями органов правоприменения при осуществлении доказывания, так как действующее уголовно-процессуальное законодательство уже не может в полной мере обеспечивать эффективность регулирования этих процессов. Данные негативные обстоятельства требуют оптимизации уголовно-процессуального законодательства, регулирующего порядок использования специальных знаний при расследовании преступлений.

Одним из путей решения проблем уголовно-процессуальной регламентации судебно-экспертной деятельности является совершенствование механизма ее вовлечения в процессы доказывания. Негативным примером неинтегрированности эксперта в общую поисково-познавательную деятельность по доказыванию может служить регламентация в уголовно-процессуальном законе вопроса об экспертной инициативе.

Несмотря на то что эксперт действует строго в рамках уголовного процесса, в его деятельности преобладает научно-поисковая доминанта. В этой связи в ряде случаев эксперт просто не может не выйти за пределы очерченного круга поставленных вопросов. Это обуславливается рядом причин: методикой исследования; отсутствием у следователя (судьи) специальных знаний; наличием ряда скрытых моментов, проявляющихся только в результате самих исследований и пр. В практике известно немало случаев, когда эксперт в процессе исследования «натывается» на новые обстоятельства или фактические данные, которые просто не были и не могли быть известны следователю и которые необходимо в силу ряда причин исследовать незамедлительно. Что должен делать эксперт в данной ситуации? Делать все для установления искомых по делу фактических данных, т. е. проявлять экспертную инициативу.

В ст. 236 УПК Республики Беларусь указано, что «если при проведении экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении». Обратим внимание – может указать. А может и не указать. По нежеланию, халатности, следованию «политике» ведомства и т. д.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что экспертная инициатива становится не только жизненной реальностью, но и насущной потребностью уголовного судопроизводства. А в силу этого либо ст. 236 УПК нуждается в существенном изменении и дополнении, либо в УПК следует ввести новую статью – 236¹ «Экспертная инициатива». В любом случае, эксперт должен по своей инициативе и (или) с согласия лица, назначившего экспертизу, проводить по представленным объектам все необходимые исследования для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, с обязательным отражением полученных результатов в своем заключении.

Здесь вопрос экспертной инициативы напрямую связан с важным вопросом расширения компетенции не только самого эксперта, но и руководителя экспертного учреждения, которого ст. 230 УПК обязывает: 1) поручать производство экспертизы тому или иному эксперту; 2) разъяснить им права и обязанности, предусмотренные ст. 61 УПК. Но указание на иные права практически отсутствуют.